

*“Земля грузин, ты так мала!
Не тыщевёрстным протяженьем
могуча ты, — а притяженьем и человека, и орла”.*
Евгений ЕВТУШЕНКО.

РОССИЯ ОГЛЯНУТЬСЯ

**ФОНД
РУССКИЙ
МИР**

***“Россия защитила нашу страну
от безысходности и разорения...”***
Илья ЧАВЧАВАДЗЕ.

Илья ЧАВЧАВАДЗЕ.

Распространяется бесплатно.

МАРТ 2022 г. №6 (12)

КНЯЗЬ ЦИЦИАНОВ: ЖЕРТВА КОВАРНОГО ВЕРОЛОМСТВА

Стр.3,5.

СТРЕМЛЕНИЕ К

Стр. 4.

ШАЛЯПИН:

Стр. 7, 8.

Н: "РОЖДЕН Я БЫЛ ДВАЖДЫ:
ДЛЯ ЖИЗНИ – В КАЗАНИ,
ДЛЯ МУЗЫКИ – В ТИФЛИСЕ"

Стр.8.

**...“И КАЖДОЕ ДЫШИТ
УЩЕЛЬЕ ДЫХАНЬЕМ
ЛЮБВИ И ДОБРА” Стр.6.**

Стр.6.

КЕТЕВАН Стр.2
ГУРАМОВНА
СПЕШИТ
НА ПОМОЩЬ

Стр.2.

РОДОМ ИЗ ГРУЗИИ

КЕТЕВАН ГУРАМОВНА СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ

Прозвучавшее с телеэкрана имя навело воспоминания. Правозащитница Кетеван Хараидзе давала корреспонденту свои разъяснения по какому-то текущему вопросу. Фамилия была знакомой, что-то, а вернее кого-то напоминала. Такую фамилию носил человек, который некоторое время редактировал газету, где я работал - Гурам Владимирович Хараидзе. Но кем ему приходилась московская правозащитница, дававшая интервью местному корреспонденту? И приходится она кем-нибудь ему вообще?

С Гурамом Хараидзе мы были знакомы еще задолго до его назначения редактором газеты "Молодежь Грузии". Бывал у него дома. Гурам был человеком ярким, разносторонним, колоритным. Он окончил Грузинский сельскохозяйственный институт, работал в сельхозотделе молодежной газеты. Был редактором Марнеульской районной газеты, занимал пост заместителя редактора журнала "Литературная Грузия". Неужели Кетеван Хараидзе, московская правозащитница - его дочь?!

Восстанавливаю в памяти некоторые события, связанные с Гурамом Хараидзе. Его жена - обаятельная, преданная семье и своему супругу Джуля - Джуленька, как называл ее сам Гурам. Дядя - известная в Грузии личность - поэт-академик Ираклий Абашидзе, председатель Союза писателей Грузии. Однажды в день рождения Гурама, на празднование которого я был приглашен, он возглавлял застолье и запомнился как яркий, остроумный тамада. Ну и дочь, которую Гурам называл Кетушкой. Она была предметом особой любви, восхищения и удивления Гурама: "Ты представляешь, она хочет пойти по моим стопам, стать журналистом?! Зачем ей это? Я отвечаю ей, а она ни в какую!". Или еще через год: "Кетушка сдала экзамены на факультет журналистики. Получила все пятерки! Без всякого блатя!", - удивлялся Гурам.

Я рассматривал юное создание, лицо девушки всякий раз при упоминании ее имени покрывалось от смущения краской, и удивлялся вместе с Гурамом. ... Прошли годы, Гурам Хараидзе безвременно ушел из жизни в т.н. перестроечные годы. Наши связи с семьей Хараидзе прервались. И вот сейчас такая неожиданная телевизионная встреча. Я поудобнее уселся перед телеэкраном и стал предельно внимательно вслушиваться в передачу. Не может быть, чтобы в ней не прозвучала какая-то фраза, которая что-нибудь не сообщит о происхождении московской правозащитницы. И такая фраза прозвучала: "Ко мне часто обращаются мои избиратели со словами - приходите к нам, Кетевана Гурамовна, мы очень надеемся на вашу помощь". Да, это несомненно была она, та самая, некогда краснеющая по поводу и без повода дочь Гурама Хараидзе.

— Вы окончили факультет журналистики в Тбилиси, приехали в Москву. Как так получилось, что вы здесь остаетесь?

— Нет ни одного другого города в мире, где я хотела бы жить. Это у меня с детства. Мне было пять лет, когда в первый раз бабушка с папой привезли меня в Москву. Мы тогда останавливались у Белорусского вокзала в академической гостинице, которую потом снесли. Я очень хорошо ее помню, там рояль стоял, а внизу был магазин "Рыба". И если бы я тогда знала, что вот через улицу перейти — и здесь будет мой дом! Еще в восьмом классе я заявила родителям, что, когда вырасту, буду работать на российском телевидении. Я тогда смотрела программу "Время" и почему-то особенно любила новости культуры.

В ответ на эти заявления в меня летели тапки моего отца, летели пепельницы. Отец говорил: "Моя дочь не будет жить одна". Это все-таки грузинская семья, для него было невероятно, что я уеду из родного дома. Но, окончив тбилисский университет с красным дипломом, я уехала в Москву поступать в аспирантуру. Поступила. И в результате папа был безумно горд.

И удивительно: меня тогда взяли работать на телевидение, в программу "Время", без московской прописки. Это был 1989 год. А в штат меня взяли, когда уволили ведущую Нинель Шахову. А вот как раз в нее я тыкала пальцем в телевизор, когда говорила, что хочу работать в программе "Время".

В 1995 году на телевидение пришел господин Березовский, и всем сотрудникам, с которыми собирались заключать контракт, принесли некий странный договор. В договоре был пункт: если вы услышите о руководстве телекомпаниями, вы обязаны прийти в службу безопасности компании и все это рассказать. А я ведь попала на телевидение в момент перестройки, нам позволялось писать и снимать все, что мы считали нужным. Никто не смел ни разу мой сюжет снять с эфира. А я снимала очень разные сюжеты.

Поэтому я ушла. И ушла в никуда. А потом стала делать документальные фильмы и передачи. На канале "Культура" у меня была программа "Русские сезоны, или И целого мира мало". Мне было интересно рассказывать о людях российской культуры.

Ведь мы не только нефть и газ, мы не мировая бензоколонка. Мы не только Чехов и Достоевский, которые были, мы и сейчас есть в мировой культуре.

Я вообще из писательской семьи: папа

был журналистом и писателем, бабушкин брат — известный грузинский поэт-академик Ираклий Абашидзе. То есть у меня не семья взяточников.

Мне 63 года. Я прожила всю жизнь и никогда ничего, кроме добрых слов, ни от кого не слышала и никому ничего, кроме добра, не делала.

— В какой момент произошел перелом, когда вы из культурной журналистики пошли в политику, стали муниципальным депутатом Тверского района города Москвы?

— Все началось с моего дома. Это был 2016 год. Подо мной на втором этаже много-много лет "сидела" десятая налоговая инспекция. Потом они съехали, и эти помещения были закрыты года три. В один прекрасный день я услышала, как внизу

ломают стены. Я спустилась и увидела, что около арки на улице стоит какой-то наглый парень, который сносит нам ворота. Я сразу вызвала полицию, прекрасно понимая, что сейчас этот человек начнет договариваться с полицией. Но я никогда не перестаю быть журналистом. В любой ситуации я все равно работаю по сбору материала как журналист.

И вот я вместе с полицейскими зашла в помещение, где раньше располагалась налоговая инспекция. Парень объяснял полиции, что у них пока нет документов, но они будут, ведь стройку ведет налоговая инспекция. Я увидела у него на столе огромное количество проектов. И сняла их на телефон. Вот проект по госконтракту — строительство 24-х жилых квартир. А у нас во всех четырех подъездах всего по семь квартир. То есть оказалось, что они собирались сделать реконструкцию дома, на что не имели права.

— То есть?

— Я выяснила, что некие чиновники из

налоговой инспекции города Москвы собрались сделать из бывших помещений налоговой инспекции № 10 24 жилые квартиры. Когда я написала обращение в департамент имущества Москвы, с вопросом, почему все ломают и трясется весь наш исторический дом, мне ответили, что налоговая делает капитальный ремонт и после его завершения эти помещения будут перераспределены между шестью различными структурами. Я узнала, что кто-то делает все это за государственный счет, выделенный на "гигиенические цели" для всех налоговых инспекций Москвы. Ни одного распорядительного документа о постройке служебных квартир у них на тот момент не было. И когда через мои запросы в администрацию президента это дошло до Федеральной налоговой инспек-

ции, они были вынуждены мне ответить, что строят служебные квартиры для своих сотрудников.

— Как вам удалось поломать их планы?

— Я дошла до личного приема у генпрокурора РФ Ю. Чайки. И когда лично Чайка потребовал проверить все мои доводы, они сразу все прибежали, позвали первого заместителя главы налоговой инспекции Москвы. Оказалось, что это он подписывал документы. Он мне угрожал. Когда я вышла из подъезда, меня встречали жители-мужчины, шли вместе со мной и потом провожали до квартиры. Все, что я писала, оказалось правдой. В результате сейчас эти квартиры для сотрудников налоговой инспекции, а не hostels.

— Что вообще может сделать муниципальный депутат?

— У нас есть бланк, и мы можем на этом бланке посылать запросы и жалобы в госорганы. А так, в принципе, мы по своему статусу такие же активисты, как и жители.

Когда я стала депутатом, написала жителям моего района: "Вы никогда не услышите от меня: "Это не в моих полномочиях". Потому что то от одного, то от другого чиновника я слышала эту фразу. Если ты захочешь, это будет в твоих полномочиях. Если я считаю, что права жителей моего района нарушены, пока не доведу до конца это дело, не отступлю. И застройщики это знают. Не было ни одного дела, с которым ко мне обращались жители и которое я бы не доводила до конца, потому что это вопрос моей чести и достоинства.

Потому что мне потянулись и все остальные районы Москвы. Первая ласточка была из Красносельского района, туда переехала жительница Тверского района. Их исторический дом захватила частная управляющая компания, она, по сути, занималась рейдерским захватом этого дома. Жители обращались и в полицию, и к депутатам, но никто ничего не сделал. И девушка мне написала: "Мне сказали, что единственный депутат, который вам поможет, это Кети Хараидзе. Мы хотим государственную компанию "Жилищник" вместо частной".

— И вы им помогли?

— Да, за три месяца мне удалось сделать то, что не смогли сделать все остальные органы власти. Через три месяца их управляющей компанией стал "Жилищник".

— Вы и дальше будете заниматься политикой?

— Я, конечно же, опять пойду в муниципальные депутаты, потому что это мне интересно. У меня нет детей, мне не для кого что-то воровать. Моя мама умерла, я ее похоронила год назад. У меня никого, кроме мамы, не было, я на нее молилась. Я знаю, что рано или поздно я уйду к маме.

Самое ценное, что у меня есть, — это письма, которые люди мне писали. Это самое дорогое, что когда-либо в жизни мне давали. Дороже денег.

Я выросла в семье писателей и журналистов, и вы понимаете, что такое для нас гонорар. Есть гонорар — есть деньги. Нет гонорара, но мы понимаем, что завтра будет новый гонорар... Мы жили на мамину пенсию, на мою пенсию, на депутатские доплаты, и мне этого хватало. Я сама шью, все, что вы видите в моем доме, 90%, сделано моими руками, даже мебель.

Несправедливости я не терплю. Я никогда ни у кого ничего не прошу. Если нарушен закон, я требую...

Саурмак САМАДАШВИЛИ.

На снимках: Кети Хараидзе; предвыборный плакат в поддержку Кети Хараидзе на Цветном бульваре в Москве.

И БИТВЫ, ГДЕ ВМЕСТЕ РУБИЛИСЬ ОНИ

КНЯЗЬ ЦИЦИАНОВ:
ЖЕРТВА КОВАРНОГО
ВЕРОЛОМСТВА

Князя Павла Цицианова (1754-1806) историки считают одной из самых интересных фигур в кавказской политике Российской империи на рубеже XVIII - XIX вв. Именно ему, представителю старинного рода грузинских князей Цицишвили, Россия во многом обязана удачными войсковыми операциями, в результате которых в состав России перешла заметная часть Грузии, были присоединены некоторые мусульманские ханства Азербайджана. Частью дипломатическим путём, частью оружием он сумел склонить на сторону России разных владельцев Каспийского побережья, Дагестана и Закавказья, несмотря на то, что деятельность его осложнилась войной с Персией и затрудились крайне ограниченными числами войск, которыми он мог располагать: вследствие войны с Наполеоном в Грузию невозможно было посылать подкрепления. Цицианов показал себя талантливым администратором, но грузинские историки ставят ему в вину его меры по русификации края, выселение из Грузии всех членов Кахетинско-Карталинского Царского Дома.

XIX век начался в Грузии 12 апреля 1802 года, когда был зачитан манифест о присоединении Картлийского царства к России.

Российское присутствие в Грузии распадается на две эпохи: эпоху жесткого правления до 1845 года и эпоху мягкого правления после этой даты. Первое время страна находилась под военно-административным управлением, то есть, командующий войсками одновременно был и гражданским администратором.

За первые полвека сменилось 11 главнокомандующих, среди которых были Карл Кнорринг (1801-1802), Иван Гудович (1806-1809), Александр Тормасов (1809-1811), Филипп Пауллуччи (1811-1812), Николай Ртищев (1812-1816), Алексей Ермолов (1816-1827), Иван Паскевич (1827-1831), Григорий Розен (1831-1838), Евгений Головин (1838-1842), Александр Нейдгардт (1842-1844).

Вторым таким главнокомандующим стал знаменитый Павел Цицианов (1802-1806), назначенный после того, как Кнорринга отстранили за служебное несоответствие.

Павел Цицианов происходил из рода князей Цицишвили, часть которых весьма давно эмигрировала в Россию. Его отцом был

геодет Дмитрий Павлович Цицишвили, матерью — Елизавета Багратион-Давиташвили. Предки Цицианова жили в России со времен эмиграции грузинского царя Вахтанга VI. Его дед Папуна погиб в 1740 году в Финляндии во время русско-шведской войны.

Павел Цицианов начал службу в лейб-гвардии Преображенском полку в 1772 году, но вскоре переведен был в армию и в 1786 году, вместе с производством в полковники, назначен командиром Санкт-Петербургского гренадерского полка.

Сражение под Хотиным (31 июля 1788 года), где он бился со своим полком на глазах фельдмаршала Румянцева, сразу выдвинуло князя из ряда сослуживцев. Фельдмаршал с восторгом смотрел на быстроту, энергию и распорядительность юного полкового командира и тут же, на месте боя, предрек ему блестящую военную карьеру.

Армия знала Цицианова, впрочем, не по одним военным заслугам; его любили за тонкий, наблюдательный ум и за острый язык, которого побаивались даже сильные мира. Кровавая резня 1794 года, известная под именем Варшавской заутрени, нашла себе отголосок в Вильно и Гродно. В первом из этих городов русские войска были застигнуты врасплох и понесли немало утрат, но в Гродно мятеж совершенно не удался. Цицианов, командовавший полком в Гродно, держал своих солдат постоянно наготове. При первом взрыве мятежа он вывел свои батальоны из Гродно, обложив ими город и под угрозой штурма заставил магистрат выдать главных зачинщиков. На жителей он наложил контрибуцию в сто тысяч рублей, назначив для ее сбора одностневный срок; и страшные жерла орудий, навешенные на улицы, вид батальонов, готовых по первому знаку не оставить камня на камне, застави-

ли поспешить с исполнением требований грозного князя. Слух об этом, облетев окрестности, много способствовал тому, что спокойствие и порядок были сохранены в соседних городах и местечках.

Назначенный позднее императрицей Екатериной в корпус графа Валериана Зубова, Цицианов участвовал в персидском походе и некоторое время был комендантом в Баку, где сблизился с Гуссейн-Кули-ханом, сделавшимся впоследствии его гнусным убийцей.

Короткий период царствования Павла Петровича, подобно большей части лиц, отмеченных Екатериной, Цицианов провел в отставке, вплоть до назначения на Кавказ, где обратил все свои усилия на внешние дела Грузии.

Истомленная борьбой Грузия требовала энергичного, твердого правителя, и в этом отношении выбор Цицианова был безошибочен. С назначением его для Грузии наступают лучшие времена, времена действительной защиты царства русским оружием и полной перемены внутренней и внешней политики, приведшей к покорению всего того, что издавна было враждебно простому народу и мешало его жизни и правильному развитию. При Цицианове уже не враги разоряют Грузию, а сама Грузия берет в свои руки судьбу окружающих ее народов.

Когда Цицианов прибыл в Тифлис, страна, только что присоединенная к России, была раздираема еще внутренними смутами, во главе которых становился тот, то другой царевич, домогавшийся сесть на престол Ираклия II. Цицианов, сам грузин и близкий родственник царицы Марии, вдовствующей супруги царя Георгия XII, урожденной также княжны Цициановой, хорошо знал характер соотечественников и имел то убеждение, что России предстоит

одно из двух: или отозвать обратно войска и бросить страну на жертву анархии, или же ввести твердое управление, сообразное с достоинством и нуждами народа, но что в этом случае всех членов грузинской царской фамилии необходимо выслать из Грузии в Россию.

Получив на то разрешение еще в Петербурге, Цицианов принялся за дело со свойственной ему энергией и настойчивостью.

Таким образом, Цицианов стал символом весьма тяжелого периода в истории Грузии. Он не признавал диалогов и компромиссов. Самым действенным средством управления народом он считал «штыки и картечь». Он начал с депортации из Грузии членов царской семьи. 18 февраля из Грузии под конвоем был вывезен в Россию Давид, старший сын Георгия XII. 12 апреля попытались в грубой форме выселить из дворца Марию Цицишвили, родственницу самого Павла Цицианова и жену Георгия XII. В результате Мария кинжалом убила генерала Лазарева, а адъютант генерала едва не зарубил саблей саму Марию. Царицу в итоге арестовали (как не дико это смотрелось в те времена) и в мае отправили в Россию. В конце года депортировали и Дареджан, жену Ираклия II.

С именем Цицианова связано присоединение к России Имеретинского царства, в состав которого формально входили Мегрелия и Гурия и которая зависела от Турции. В отличие от восточной Грузии, Имеретинское царство совершенно не желало присоединяться к России. Но был стимул к дружбе: Россия признавала территориальную целостность Имеретии и могла поспособствовать подавлению гурийско-мегрельско-абхазского сепаратизма.

Но тут происходит вот что: в 1802 году в княжество Мегрелии вторгается армия князя Абхазии Келеш-Бея, численностью 20000 человек. Мегрельский князь Григорий Дадияни понимает, что с абхазами ему не справиться. Рассчитывать на помощь имеретинского царя он не может, ибо с царём у него вяло текущий конфликт из-за Лечхуми. Григорий интересуется мнением российских генералов — те дают ему понять, что они на стороне имеретинского царя в этом вопросе. И у Григория не остаётся выбора. Он может сохранить свое княжество только в том случае, если признает себя подданным императора. И он отправляет в Тбилиси запрос на подданство. Это было очень кстати: присоединение Мегрелии помогало развалить Имеретинское царство, давало доступ к турецкому Потю, да и в любом случае лояльное государство на беспокойном Кавказе было России крайне необходимо. Цицианов сразу же согласился и послал в Мегрелию полковника Майкова.

Царь Соломон знал о миссии Майкова и велел убить его за содействие сепаратизму, поэтому Майков выехал через Южную

Грузию в турецкий Ахалцихе, там распустив конвой, переодетый турком и горами пробрался в Батуми, оттуда в Озургет, потом в Потю, а оттуда в соседнее село Чаладиди, где его встретил Григорий Дадияни. 4 декабря 1803 года Григорий принёс присягу российскому императору.

Позже его примеру последовала Гурия. Князь Дадияни стал орудием разрушения Имеретинского царства, но всё же он пошёл на этот шаг от безысходности.

Царь Соломон («мятежная отрасль Багратидов») обратился за помощью к Турции и Ирану. Этот сам по себе интересный сюжет развития не получил — 20 апреля 1804 года генерал Павел Цицианов ввёл армию в Имерети и Соломон вынужден был пойти на переговоры. Уже 25 апреля 1804 года в селе Элазнаури (сейчас Вахани около Ваханского замка) была подписана конвенция. В июле Александр I её подтвердил. Еще пять лет прошли в неопределённости, и в 1809 году Соломон присоединился к антироссийскому восстанию. Восстание было подавлено, Соломон попал в плен и был помещен в тбилисскую тюрьму, откуда скоро бежал.

20 февраля 1810 года российская администрация отстранила Соломона от власти и Имеретинское царство прекратило свое существование. На месте царства образовалась «Имеретинская область».

В том же году произошло ещё одно восстание, и Соломон снова пытался призвать на помощь Турцию или Иран, но восстание опять подавили и Соломон бежал в Трапезунд. Он умер через пять лет. В 1990 году его тело перевезли в Грузию и захоронили в Гелати.

Заслугой Цицианова надо считать, то, что в период его деятельности в Грузии удалось покончить с бесконечными кровавыми набегами горских народов на Грузию. Отлично понимая дух горцев, умевших преклоняться только перед одним аргументом — силой оружия, Цицианов сразу переменил обращение с соседними ханами и принял по отношению к ним совершенно иную систему, чем та, которой держался до него Кнорринг.

До тех пор русское правительство как бы старалось снисходить к себе расположение ханов подарками и жалованием. Цицианов отменил и то, и другое, и сам потребовал от местных правителей дани. «Страх и корысть — суть две пружины, которыми руководятся здесь все дела и приключения», — писал он императору Александру I.

Первыми испытали на себе тяжелую руку князя Цицианова джаро-белоканские лезгины, совершавшие регулярные грабительские набеги на грузинские села. Цицианов послал генерал-майора Гулякова наказывать лезгин. Гуляков быстро достиг Алазани,

Стр. 5.

На снимках: князь Цицианов; штурм крепости Ганжа. Худ. А. Шарлемань.

ПЬЕДЕСТАЛ СПОРТИВНОЙ ЧЕСТИ

СТРЕМЛЕНИЕ К

ВЫСОТЕ

Спортивный путь тбилисской школьницы Нади Хныкиной начался рано и весьма многообещающе. В 16 лет она уже установила своеобразный рекорд, став самым молодым призером чемпионатов Советского Союза. Произошло это в беге на 200 м во время первенства страны 1949 г., где юная дебютантка, представительница общества “Динамо”, проиграла лишь знаменитой Евгении Сеченовой. А через месяц Надя стала уже официальной рекордсменкой СССР.

На соревнованиях в Тбилиси Хныкина установила всесоюзный рекорд в прыжках в длину. В 1951 г. девушка становится чемпионкой Советского Союза, причем сразу на обеих спринтерских дистанциях. А в беге на 100 м 18-летняя спортсменка устанавливает еще и рекорд страны — 11,8, улучшив результат, показанный самой Сеченовой и принесший ей золотую медаль чемпионки Европы в Осло.

В этом же сезоне Хныкина становится мировой рекордсменкой, причем и тут сразу в двух видах — беге на 60 м и в эстафете 4x200 м. Титула мировой рекордсменки Надежда лишится только 10 лет спустя, в 1960 г., когда уже давно закончит свою спортивную карьеру. В 1952 г. Надежда Хныкина, только что отметившая свое 19-летие, отправляется на первые свои Олимпийские игры. На многих сильных атлетов непривычность, излишняя эмоциональность обстановки олимпийских стартов действовала угнетающе. Но Хныкина оказалась не робкого десятка.

Она выступала стабильно и сделала, что могла. В итоге 4-е место в эстафете 4x100 м (до медали не хватило 0,1 сек.) и бронзовая награда в беге на 200

чество наград Хныкиной, но передать словами, цифрами и судейскими протоколами спортивную волю, красоту ее бега на стадионе и взлета в секторе для прыжков, во время исполнения любимых номеров из ее легкоатлетического репертуара — невозможно. Чтобы влюбиться и запечатлеть эту хрупкую девочку на своей ленте памяти, надо было ее видеть. В дальнейшем, жизненная судьба и личная жизнь Надежды показали, что раньше других обратил на нее внимание замечательный человек, в прошлом один из сильнейших легкоатлетов Грузии Анзор Двалишвили.

После замужества Надежда стала носить двойную фамилию: Хныкина - Двалишвили. Не буду подробно объяснять, но почему-то многие мои сограждане с еще большим уважением и любовью стали относиться к Надежде, как и к великолепной гимнастке XX столетия, чемпионке Олимпийских Игр 1952 года очаровательной Галине Яковлевне Минаичевой — Шарабидзе. Обе эти великие спортсменки нашей республики, не относящиеся к грузинскому этносу, в знак любви и уважения к своим супругам и Грузии, сохранив свои девичьи фамилии, присоединили к ним фамилии своих мужей.

Вспоминая Анзора Варламовича Двалишвили, не могу ограничиться короткой информацией, о том, что он сам — в прошлом известный легкоатлет

республики. Имя Анзора Двалишвили, инженера — строителя, тесно связано со стройкой века, аббревиатуру которой когда-то мог назвать даже подросток — “БАМ”. Вспомню эпизод из книги российского журналиста Антона Кривого “БАМ от А до Я”. Как рассказывает автор, в марте 1975 года в Усть-Кутский район Иркутской области Грузия отправила железнодорожный состав с техникой, строительными материалами и первоклассными строителями. Возглавлял десант — начальник строительно-монтажного поезда “ГрузБАМстрой” Анзор Двалишвили. Он вез с собой чертежи будущей “бамовской” станции Ния. Как сказал в беседе с журналистом Анзор Двалишвили, задача у грузинских строителей одна — построить на БАМе

красивый, на сто процентов благоустроенный поселок и станционный комплекс, который напоминал бы ему кусочек родной Грузии.

Десант, состоящий из 70-и человек, приступил к строительству будущей станции Ния Грузинская, в одноименном поселке, с почти грузинским названием — Ния.

Возведение его началось месяц спустя — в апреле 1975 года. С этого момента и берет начало биография этого в будущем благоустроенного населенного пункта на западном участке Байкало-Амурской магистрали.

В конце 1980-х годов, директором выстроенной в Ние средней школы, по рекомендации местных руководителей, назначили супругу Анзора Двалишвили — знаменитую спортсменку Надежду Павловну Хныкину - Двалишвили. Жители поселка по сей день с благодарностью отзываются о деятельности школьного директора из Грузии.

Сегодня я с необыкновенной теплотой вспоминаю те дни, когда мы, пятиборцы, тренировались на тбилисском стадионе “Динамо” рядом с Надеждой.

м, где в напряженной борьбе с несколькими соперницами Надежда сумела установить всесоюзный рекорд (со старого сбросила сразу 0,6 сек.) и стать первым среди советских спринтеров олимпийским призером. А четыре года спустя четырехкратная к тому времени чемпионка СССР Надеж-

да Хныкина-Двалишвили повторила свой успех, завоевав еще одну бронзовую олимпийскую медаль, на этот раз в прыжках в длину. К сожалению, вскоре Надежда завершила свою спортивную карьеру.

Да, можно долго перечислять достижения, результаты и коли-

Напомню также о том, что наставником Надежды был знаменитый специалист по легкой атлетике, заслуженный тренер Грузии Борис Тахтаров (1908-1972), вошедший в первую десятку лучших тренеров Грузии по легкой атлетике XX столетия, а его ученица Надежда Хныкина - Двалишвили занимает вторую строчку в списке лучших легкоатлетов — женщин Грузии прошлого века — вслед за легендарной Ниной Думбадзе.

Валериан РОГАВА.

На снимках: здание вокзала на станции Ния Грузинская; Н. Хныкина; А. Двалишвили и Н. Хныкина; первые победы (слева Н. Хныкина); жилые дома в Ние Грузинской.

ТУР ПО ГРУЗИИ: ЧТО ПОСМОТРЕТЬ?

“Я В ДОЛГУ ПЕРЕД ВАМИ, БАГДАТСКИЕ НЕБЕСА...”

Грузия является родиной знаменитого русского поэта В. Маяковского. Он родился в имеретинском селе Багдати Кутаисской губернии и первые 13 лет прожил там, обучаясь в Кутаисской гимназии. Однако закончить ее не удалось. Отец Маяковского, работавший лесником, укололся иглой, получил заражение крови и вскоре скончался. Маяковский с матерью уехали жить в Москву.

В Грузию Маяковский попал спустя 12 лет, будучи уже известным поэтом. Там с триумфом прошли его выступления на местной сцене, состоялись встречи с друзьями юности. В 1924 году Маяковский вернулся в любимый им Тифлис с мечтой организовать постановку спектакля по пьесе “Мистерия-буфф”. В силу обстоятельств проект провалился. Маяковский еще два раза посещал Грузию - в 1924 и 1927 годах, выступал со сцены театра Шота Руставели, встречался со своими богемными друзьями.

По его частым признаниям он очень любил Грузию и на вопрос грузин он или русский отвечал, что по рождению он грузин, а по национальности — русский. И что он любит Грузию как родину — ее небо, солнце и природу. “Я в долгу перед вами, багдатские небеса...”, — признавался Маяковский.

Сегодня дом, в котором он когда-то жил с родителями (на снимке), стал музеем, там хранится более 5,5 тысяч экспонатов. На въезде в Багдати установлен бюст поэта, а сам город до 1990 года носил название Маяковский.

И БИТВЫ, ГДЕ ВМЕСТЕ РУБИЛИСЬ ОНИ

КНЯЗЬ ЦИЦИАНОВ:
ЖЕРТВА КОВАРНОГО
ВЕРОЛОМСТВА

разбил и уничтожил все, что только осмелилось противостоять ему с оружием в руках, и занял главные селения лезгин. Тогда Цицианов объявил всю область присоединенной к России и обложил ее данью.

Кахетия, быть может, в первый раз была прочно освобождена от вечного страха лезгинских погромов.

По иному складывались у Цицианова отношения с Аварским ханством. Ещё Омар-хан пытался договориться с Россией о подданстве, но в 1801 году попытка сорвалась, а потом хан умер. 3 октября 1802 года царь прислал приказ решить вопрос с ханством, и в апреле 1803 года в Хунзахе аварский хан Султан-Ахмед официально вступил в подданство Российской империи. Это было эпохальное событие: впервые за пару веков Авария перестала быть опасной для Грузии. Мелкие набеги случались, границу с Дагестаном продолжали охранять, но серьёзных нашествий не было до 1854 года.

Но в то время, как эта часть Грузии была ареной разбоев и грабежей лезгин джаро-белоканских, Картли почти в той же мере страдала от их соплеменников со стороны Ахалцихе. Появление русских за Кавказом скоро должно было положить предел и их хищничеству, и когда, в 1802 году, в Картли появились русские батальоны, под начальством Симановича, и дали несколько уроков дерзкой коннице налетчиков, то впечатление от них было настолько сильно, что ахалцхские лезгины в течение целого года не осмеливались тревожить грузинских границ. Но когда начались приготовления к персидской войне и Симанович ушел со своими гренадерами, а на смену его в Гори прибыл новый егерский полк, вызванный с Кавказской линии и еще неопытный в азиатской войне, ахалцхские лезгины попытались еще раз воспользоваться смутным временем. Они напали и изрубили в районе Цалки сто восемь человек грузинских рабочих и прикрытые из девяти казаков и одиннадцати егерей девятого полка. Спаслись лишь шесть казаков благодаря быстроте своих лошадей. Князь Цицианов был чрезвычайно разгневан и предписал командующему войсками в Картли, генерал-майору князю Орбелиани, немедленно наказывать налетчиков. Орбелиани, стянув значительный отряд (одиннадцать рот пехоты при четырнадцати орудиях), двинулся в пределы Ахалцхского пашалыка. Испуганный паша просил его остановить военные действия, обещая удалить лезгин из своих владений и не давать им приюта. Орбелиани согласился, но при обязательном условии, чтобы лезгины капитулировали.

Уничтожив в 1803 году старых врагов Грузии, издавна периодически опустошавших Кахетию и покрывавших ее почву кровью ее сынов и пеплом пожаров, Цицианов, для ограждения своих владений от персов и турок, задумал в том же году овладеть ближайшим к Грузии Ганжинским ханством, потом идти на Эривань, взять Баку и таким образом утвердить русское влияние на Каспийском побережье Закавказья.

Вступив в пределы ханства, главнокомандующий отправил к

Джавату, хану ганжинскому, письмом, требуя добровольной покорности. «Первая и главная причина моего прихода сюда, — писал он ему, — та, что Ганжа со времени царицы Тамар принадлежала Грузии и слабостью царей грузинских отторгнута от оной. Всероссийская империя, приняв Грузию в свое высоко мощное покровительство и подданство, не может взирать с равнодушием на расторжение Грузии».

Джават-хан, тот самый, который вместе с агоем Мохаммедом грабил Тифлис, самоуверенно ответил, что намерен дать отпор и что «ежели русские пушки длинной в аршин, то его пушки — в четыре аршина».

После такого ответа русские войска двинулись вперед и, овладев садами, городским предместьем и караван-сараями, отделявшимися от крепостной стены лишь одной эспланадой, открыли оружейный огонь. Джават-хан защищался героически: «Ты найдешь меня мертвым на крепостной стене», — отвечал Джават на предложение Цицианова о сдаче. Наконец, второго января 1804 года, военный совет порешил: «Быть штурму на следующий день».

Бой был кровавый. Две башни были взяты последовательно одна за другой майором Лисаневичем, и в одной из них, Хаджи-Кале, был убит сам Джават-хан, не захотевший искать спасения в бегстве.

Взятие Ганжи было событием чрезвычайной важности уже и потому, что крепость эта считалась ключом к северным провинциям Персии.

Завоевания Цицианова и особенно падение Ганжи, считавшейся неодолимой твердыней в этой части Востока, произвело сильнейшее впечатление на Персию, где справедливо подозревали, что Цицианов на этом не остановится.

Опасения Персии оправдались, и уже летом 1804 года Цицианов отправился в поход на Эривань. Неприятельские армии, встретившие его под Эчмиадзином и потом у деревни Калагири, оба раза были разбиты, и Цицианов обложил Эривань. К сожалению, этот поход в конце концов все-таки окончился неудачей из-за ненастной осени, затруднениям в доставке провианта и многим другим неблагоприятным обстоятельствам.

Цицианов вынужден был снять осаду и возвратиться в Грузию. Впрочем, и этот неудачный поход нанес такой удар Эриванскому ханству, что почти непосредственно за тем, в январе 1805 года, генерал Несветаев уже без усилий отторг от него и присоединил

к русским владениям важную Шурагельскую область, прикрывшую Грузию не только со стороны Эривани, но и со стороны турецких крепостей Карса и Ардагана.

Но стремления Цицианова шли далее увеличения русских владений за счет Персии и Турции. Он понимал, что не имея ни одного торгового пункта ни на Каспийском, ни на Черном морях, почти невозможно удержаться в Закавказье, имевшем единственное сообщение с Россией через горы, доступные притом не во всякое время года. Между тем переговоры с Турцией об уступке Потти не привели ни к каким результатам. Тогда, чтобы как-нибудь помочь делу, Цицианов заложил в Мегрелии, при устьях Хопи, небольшое укрепление Редут-Кале и в то же время, пользуясь войной с Персией, задумал занять Баку и утвер-

диться на Каспийском море. С этой целью еще в 1805 году он отправил Каспийскую флотилию с десантом под командой генерал-майора Завалишина. Тот обложил Баку с суши и с моря, но когда на помощь к бакинцам пришло многочисленное войско кубинского хана, русские войска отступили и сели на суда, не успев причинить никакого вреда осаждаемым.

Князь Цицианов в зимнее, ненастное время, еще не оправившись от тяжких болезней, сам двинулся под Баку с отрядом. Пароксизмы изнурительной лихорадки, повторявшиеся по нескольку раз в день, окончательно добивали здоровье Цицианова. Во время похода его нередко снимали с лошади и клали на землю; под снегом и дождем он выдерживал сильные припадки и потом догонял отряд на привалах.

Войска шли через Ширванское ханство, и Цицианов, так сказать, мимоходом присоединил его к русским владениям. 25 декабря 1805 года Мустафа-хан ширванский подписал условия подданства, и теперь со стороны Каспийского моря оставалось покорить только Баку. Цицианов и приказал известить Гуссейн-Кули-хана бакинского, что идет с твердым намерением или взять город, или умереть под его стенами.

После трудного перехода через Шемахинские горы отряд вступил в границы Бакинского ханства и 30 января 1806 года остановился при урочище Нахар-Булаг. Отсю-

да князь Цицианов и потребовал сдачи города. Гуссейн-Кули-хан ответил, что безусловно отдается милосердию русского государя, но втайне он замыслил гнусное и черное злодейство.

Наступил день, назначенный для сдачи Баку. Утром 8 февраля 1806 года главнокомандующий в полной парадной форме и в сопровождении лишь небольшого караула, назначенного для занятия крепости, приблизился к колодцу, отстоявшему на полуверсту от города. Здесь ожидали его бакинские старшины, которые подали ему ключи от городских ворот и просили лично успокоить хана насчет его участи. Главнокомандующий ответил, что рад увидеть старого знакомого. Он возвратил ключи старшинам, чтобы Гуссейн вручил ему их лично. Хан не замедлил выехать из крепости,

были отсечены от трупа и отправлены в Ардебиль, а оттуда с большим торжеством препровождены в столицу, Тегеран, к персидскому шаху. Тело же его было зарыто у ворот самой Бакинской крепости, где долгое время виднелась могила грозного русского главнокомандующего.

Впоследствии, когда Баку был взят генералом Булгаковым, прах знаменитого кавказского героя был предан погребению в тамошней армянской церкви, а спустя еще шесть лет новый главнокомандующий маркиз Пауллучи перенес его в столицу Грузии, и тело князя Цицианова покоится ныне в тбилисском Сионском соборе.

Перенесение тела совершилось с печальной торжественностью 27 ноября 1811 года. Гроб был поднят и вынесен на руках офицерами бакинского гарнизона при огромном стечении местных жителей. Князь Эристов, Туманов и князь Чавчавадзе, присланные сюда главнокомандующим, сопровождали его до самого Тифлиса.

Весь Тифлис вышел навстречу процессии и в безмолвии сопровождал прах доблестного князя до новой могилы, приготовленной для него в древнейшем храме иверийской земли.

В лице Цицианова Закавказье понесло невосполнимую утрату. За короткое время он сумел совершенно изменить карту этого края. Цицианов застал Закавказье состоящим из раздробленных, независимых, опиравшихся на Персию магометанских владений, ханств: Бакинского, Ширванского, Шекинского, Карабагского, Ганжинского и Эриванского; сюда же надо причислить земли джаро-белоканских лезгин, пашалык Ахалцхский и крепости, лежащие в турецких владениях по берегу Черного моря. Все эти ханства, земли и крепости составляли враждебное кольцо, охватывающее с трех сторон грузинские земли, между которыми Мегрелия и Имеретия тоже враждовали и друг с другом и с Грузией, раздираемой к тому же спорами царевичей. Но прошли три года — и Цицианов оставил Закавказье почти в теперешних его пределах, спокойным и мирным от моря до моря.

Цицианов был не только выдающимся полководцем, создавшим дух кавказского солдата, но и умелым администратором. При нем было начато строительство дороги с Кавказской линии в Грузию, возобновлено обустройство Владикавказа и учреждено почтовое сообщение по Военно-Грузинскому тракту. Он хлопотал об учреждении в Тифлисе гимназий, о присылке учителей русского языка, о доставке книг и прочего.

Отличительной чертой Цицианова являлась трогательная забота о боевых товарищах, сослуживцах. И неудивительно, что князь Цицианов был искренне любим своими подчиненными.

Гиули АНАСАШВИЛИ.
На снимках: царица Мария; коварное убийство князя Цицианова.

ВОЕННО-ГРУЗИНСКАЯ ДОРОГА, СОЕДИНЯЮЩАЯ БЕРЕГА

...“И КАЖДОЕ ДЫШИТ УЩЕЛЬЕ ДЫХАНЬЕМ ЛЮБВИ И ДОБРА”

Выдающийся грузинский писатель Александр Казбеги учился в Тбилиси и Москве. Он увлекался литературой, переводил Грибоедова, Лермонтова, Шекспира. Для того, чтобы лучше изучить жизнь горцев, А. Казбеги приобрел отару овец и в течение семи лет вел жизнь простого пастуха. Одному из своих друзей он позже писал: “Помнишь, как удивляло... наших товарищей то, что я, помещик, воспитанный в довольстве, человек, имевший возможность вести спокойную жизнь, предпочел безмятежному домашнему очагу полное невзгод и всяких случайностей странствование по горам. Тогда не только вы, но и многие другие не понимали, почему я пошел на это... Но если теперь читающие мои произведения найдут в них что-нибудь для своего сердца, ... то станет понятным, почему в свое время я решил пойти в пастухи”.

Главное внимание в своих произведениях А. Казбеги уделяет не пейзажу, а исторической действительности, жизни народа, тайнам человеческой души, психологическому обоснованию поступков своих героев, нравам и обычаям горцев, зарождению социальной борьбы и т. д. Действие его произведений происходит в Дзауге (Владикавказе), Балте, Дарьяльском ущелье, Степанцминде, Квешви (Квешети), Сиони, Ларсе, Коби, Кайшаури, Пасанаури, Душети и др.

Сказанное выше отнюдь не означает, что А. Казбеги игнорирует пейзажи. В его произведениях, словно драгоценные камни, вкраплены красочные картины природы: “Казбек, седовласый старейшина Кавказских гор, горделиво глядел на вершину Самеба, где среди зеленой лужайки стоял храм, носивший то же имя, — внушительный памятник минувших дней. Какое величественное зрелище открывалось с этой вершины! Плотный туман подкрался к самому подножью церкви — историческая святость Грузии, казалось, возносится над землею. Все кругом было погружено в сон, все примолкло, и это безмолвие навевало неизъяснимую грусть. Даже ветерок затих, притаился где-то и уже не заигрывал с душистыми цветами; лишь изредка среди глубокой тишины раздавался шум катящегося с высоты камня — испуганный тур сбросил его своими копытами. Этот звук сливался с плеском ручья, напевавшего колыбельную песню дремлющей природе”.

Не раз описывает А. Казбеги и саму Военно-Грузинскую дорогу: “Миновав Коби и Самтверскую долину, — читаем в повести “Хевисбери Гоча”, — дорога, ведущая из Грузии на север, подходит к скалистому Сиону и, опоясав его с трех сторон, вьется зигзагами по склонам. На вершине скалы возвышается, на страх врагам, величавая башня. Она господствует над всеми проходами и сторожит ущелье. Подойти к ней можно только со стороны Нарованского перевала. Вокруг башни раскинулись прекрасные, обильные водами, луга и леса. Эта самой природой созданная крепость исстари считалась одной из наиболее надежных и неприступных твердынь Хевии”.

А вот как описана Военно-Грузинская дорога в повести “Элгуджа”: “В теснинах Дарьяла, в тех местах, где нынче между черных скал извивается змеей прекрасная шоссе-ная дорога, пролегали когда-то только тропинки, по которым с трудом пробирались караваны лошадей. Дорога эта вела с Северного Кавказа в Грузию, — сначала по узкому ущелью Ларси, достигнув же гигантов Дарьяла, скользила в пробитую в скалах щель. У этих ворот стояли на страже мохевцы, охраняя Грузию от нашествия непрошенных гостей”.

Величественная Пшав-Хевсуретия является подлинным героем гениальных творений Важа Пшавела. Его творчество, достигнув высот мировой поэзии, стало гордостью грузинского народа. Мудрец с тяжелыми руками пахаря и взглядом мыслителя сумел подарить человечеству богатство, явившееся бесценным вкладом в сокровищницу мировой культуры.

Важа Пшавела был одним из идеологов и вождей национально-освободительного движения в Грузии. Сын священника, Важа Пшавела учился в Гори, Тбилиси и Петербурге, некоторое время работал сельским учителем в родных местах, затем был лишен этого права “за внушение детям антиправительственных мыслей”, и, вернувшись в родное Чаргали, вел простую крестьянскую жизнь.

Важа Пшавела был прекрасно знаком с лучшими образцами русской и западноевропейской литературы, свидетельством чему являются его глубокие суждения о Шекспире, Сервантесе, Гете, Пушкине, Некрасове, Тургеневе, Л. Толстом и др., а также выполненные им переводы творений Шиллера, Эдгара По, Лермонтова, А. Островского и т. д.

Хотя в своих творениях Важа Пшавела, используя

народные сказания и легенды, большое место уделял картинам быта грузинских горцев, их обычаям и нравам, главным для великого поэта были общечеловеческие идеи: гуманизм, мораль, патриотизм, вопросы взаимоотношения личности и народа, природы и человека, любви и долга перед народом, борьба человеческих страстей, труд, назначение человека, благородство, героизм... И все это передано с неподражаемым мастерством, элементы которого проникнуты четко выраженным стремлением к простоте, к художественной правдивости.

Природа занимает особое место в творчестве Важа Пшавела. В ее описании поэт не имеет себе равных. Природу он видит во всех аспектах, в ее поразительной гармонии, с ее красотами и тайнами. Пейзажи окрестностей Военно-Грузинской дороги у Важа Пшавела чудесны в художественном отношении и реалистически правдивы; любое явление природы поэт преломляет сквозь человеческие чувства и переживания, дает нам со всей силой почувствовать взаимосвязь человека с природой:

“Обсохли горы. Ручейки
С вершины катятся по склонам.
Лежат обвалы у реки,
Подобно свергнутым драконам.
Белокопытник окропив,
Промчался дождь и во вселенной
Любой цветок теперь красив,
Как взор Тамары незабвенной.
Опять цветет у края скал
Пиримзе, цветик мой любимый.
Перевалив за перевал,
Ликует путник невредимый.
Скалу украсили стада,
Как красят родники девицу.
Измученная в холода,
Природа снова веселится”.

(“Змееед”)

Только великий ясновидец природы может увидеть в обыденном необычное:

Вздывает обычные кроны
Обычный лесной косогор,
И белокопытник зеленый
Цветет здесь, и дикий копер.
И мост из листьев ежевика
Над самым обрывом мостит,
И в чаще от птичьего крика
Весь воздух поет и звенит.
И перлы росы умыкают
Лесных сладкопевцев лицо,
И травы друг друга лобзают,
И к деревцу льнет деревцо.
Как мать над своими птенцами,
Храня их от бурь и тревог.
Порхает, вьется, над цветами
Прохладный лесной ветерок.
И вновь расцветают растенья,
Роняя росинки с листа,
И счастьем любви и смиренья
Их свежие дышат уста.
И в виде большого дракона
Туман у подножья горы
На горы глядит полусонно.
Вздывая седые вихры.
Но горы, как будто для песен.
Спокойно расселись вокруг,
И круг их возвышенный тесен,
И выпуклы мускулы рук.
“Будь “тверд и разумен на деле”, —
Твердит человеку гора,
И каждое дышит ущелье
Дыханьем любви и добра.
Кто силы на это затратил?
Кто создал природу такой?
Невидимый в зарослях; дятел

Чинару долбит за рекой.
Поднялся орел в отдаленье,
Парит посредине небес.
И сладкому птичьему пению
Внимает проснувшийся лес.
 (“Оленья лопатка”)

Тот, кто прочтет творения Важа Пшавела, вне всякого сомнения, по-новому взглянет на горы, леса, долины, реки, красочным ковром раскинувшиеся вдоль Военно-Грузинской дороги.

Немало видела Военно-Грузинская дорога и замечательных сынов братских народов нашей Отчизны. В 1830 году по Военно-Грузинской дороге уехал учиться в Дерптский (Тартуский) университет великий армянский писатель Хачатур Арутюнович Абовян, а в 1846 году с той же целью едет в Петербург славный сын армянского народа Габриел Никитович Сундукян. В своем письме к матери из Владикавказа будущий основоположник армянской реалистической драматургии Г. Сундукян писал: “Мама-джан, если бы только знала, по каким живописным местам, по каким полям, лесам и скалам мы проезжали, даже по довольно-таки опасным местам, но там нас сопровождали казаки. Мама-джан, остается только удивляться древнему Грузинскому царству. В таких местах храмы понастроили и такие храмы, что вдоволь не наглядишься на них! В Ананури есть на горе церковь, которую теперь и за несколько миллионов не построишь. Одна стена храма как будто плачет; я вначале подумал было, что это от дождя, но потом узнал, что уже много лет она в таком состоянии, а купол между тем сухой. Таким образом, много удивительных мест мы проехали. На одну скалу четыре часа взбирались. У подножья этой горы бьет кислая вода, которую мы попробовали. Там, где бьет этот источник, земля красная. Потом приехали мы в Казбеги. Я не мог глаз отвести от здешней горы, которая видна и с нашего Майдана, снег никогда с нее не сходит... За пятак я купил свечку, поставил ее в Казбеги в церкви. Если хотите узнать, каков Владикавказ, то дома тут все дощатые...”

В 1908 году по Военно-Грузинской дороге совершил поездку великий армянский поэт Ованес Тадевосович Туманян. В письме к дочери Ашхен он писал: “Прекрасная дорога, проехали Грузию. Совсем не похожа Грузия на нашу страну Армению. Грузия более теплая и лиричная... Отсюда понятен и тип грузина... Сейчас, когда я пишу это письмо, со всех сторон нас обступают снежные вершины высоких гор, а впереди расстилается Кайшаурская долина. Эту Кайшаурскую долину упоминает Лермонтов в начале своего “Демона”.

Х. Абовян, Г. Сундукян и О. Туманян были теснейшим образом связаны с Грузией, где они прожили долгие годы (Г. Сундукян и О. Туманян похоронены в Тбилиси). В их творчестве большое место занимает грузинская тема. “Братья-грузины, — писал О. Туманян, — наши многовековые братья, вечно свободные и благородные братья!”

Заметное место заняла Военно-Грузинская дорога в творчестве классика литовской литературы Антанаса Веноулиса-Жукаускаса. На заре нашего столетия он жил на Кавказе (1903-1907), прошел пешком Дарьяльское ущелье и другие уголки Грузии, работал провизором в Тбилиси, а в революционные дни 1905 года был арестован и заточен в Метехский замок. Знакомство с богатейшей грузинской духовной культурой, фольклором горских народов, впечатления от путешествия по Военно-Грузинской дороге способствовали рождению знаменитой книги А. Веноулиса “Кавказские легенды”. “Жизнь на Кавказе, — писал А. Веноулис-Жукаускас, — самые красивые и счастливые дни моей жизни. Первым своим художественным произведением я считаю рассказ “Вечный скрипач”. То, что я увидел и горах Грузии, просто невозможно было передать человеческим языком — потому я и хотел в своем рассказе воспользоваться музыкой, потому и назвал свое романтическое произведение “Вечный скрипач”. А другой рассказ — “Заколдованные монахи” — написал, когда увидел в горах базальтовые столбы, которые мне показались похожими на монахов”.

Выдающийся литовский писатель вторично посетил Грузию после Великой Отечественной войны. С большим удовольствием объездил он знакомые места и был поражен теми переменами, которые произошли за сравнительно небольшой исторический срок. “Теперьшний Казбеги, — говорил он, — вовсе не похож на старый Степанцминда. Новые кирпичные дома, скверы, улицы — все изменилось, стало еще прекрасней. Неизменимы остались только горные вершины. И Терек — он по-прежнему ярится и ворокает глыбы. И водопады все так же падают, разбиваясь о камни”.

На снимках: А. Казбеги, В. Пшавела.

ГОРОДА НАШЕЙ СУДЬБЫ

"РОЖДЕН Я БЫЛ ДВАЖДЫ: ДЛЯ ЖИЗНИ – В КАЗАНИ, ДЛЯ МУЗЫКИ – В ТИФЛИСЕ"

Отрывки из книги Ф.Шалыпина «Страницы моей жизни»

Тбилиси сыграл судьбоносную роль в жизни великого русского баса Фёдора Шалыпина. Родился он в бедной крестьянской семье на самой окраине Казани. Когда Фёдору исполнилось 6 лет родители отдали учиться сына в начальное училище, а по вечерам он был вынужден работать учеником сапожника, токаря, столяра, переплетчика, переписчика. Ещё у мальчика обнаружилась дивной красоты голос, с девяти лет Фёдор пел в церковных хорах. В 15 лет Фёдор сбежал из дома, прочитав в газетах объявление о приеме в хор Казанского оперного театра. Но тогда Шалыпин с треском провалился на экзаменах. С 1891 по 1893 годы Шалыпин, будучи актером «передвижного оперно-опереточного театра», объездил всю Россию. Вскоре он оказался без копейки в Тифлисе — антрепренёр бросил актёров и сбежал, прихватив с собой всю кассу театра. Четыре дня Шалыпин просто бродил по Тифлису, пожирая голодными глазами горы фруктов на местных рынках. На пятый день он решился: увидя на витрине оружейного магазина пистолеты, он собрался войти, сделать вид, что выбирает оружие, нажать на курок и покончить собой. Спас его случайно встретившийся актёр Понти, с которым Шалыпин мельком был знаком за время своих театральных скитаний. Узнав о трагедии Фёдора, итальянец Понти повёл его домой, накормил и приютил, а затем посоветовал обратиться к известному педагогу, преподавателю пения, бывшему артисту Императорских театров Дмитрию Усатову...

...Кондуктор оказался добрым малым. Он взял с меня до Тифлиса только 30 коп. И вот на тормозной площадке товарного вагона я добрался до Тифлиса.

Вскоре я получил письмо от Семенова-Самарского. Он писал, что если я хочу, он может устроить меня рублей на сто в Казань, в оперу Перовского, на вторые роли. Можно получить аванс на дорогу. Я вспыхнул великой радостью и тотчас телеграфировал: «Жду аванса», и через некоторое время мне перевели из Казани четвертной билет.

Но тут случилось нечто неожиданное. Давно уже сослуживцы мои говорили мне, что у меня хороший голос и что мне следовало бы поучиться петь у местного профессора пения Дмитрия Усатова (на снимке), бывшего артиста императорских театров. И я вдруг решил:

— Пойду к Усатову! Чем я рискую?

Пошел. Когда меня впустили в квартиру певца, прежде всего под ноги мне бросилась стая мопсов, за ними явился человек низенького роста, круглый, с закрученными усами опереточного разбойника и до синя бритым лицом.

— Вам что угодно? — не очень ласково спросил он. Я объяснил.

— Ну что ж, давайте покричим!

Он пригласил меня в зал, сел за рояль и заставил меня сделать несколько арпеджий. Голос мой звучал хорошо.

— Так. А не поете ли вы что-нибудь оперное?

Так как я воображал, что у меня баритон, то предложил спеть арию Валентина. Запел. Но когда, взяв высокую ноту, я стал держать фермато, профессор, перестав играть, пребольно ткнул меня пальцем в бок. Я оборвал ноту. Наступило молчание. Усатов смотрел на клавиши, я на него — и думал, что все это очень плохо. Пауза была мучительна. Наконец, не стерпев, я спросил:

— Что же, можно мне учиться петь? Усатов взглянул на меня и твердо ответил: — Должно.

Сразу повеселев, я рассказал ему, что вот — собираюсь ехать в Казань петь в опере, буду получать там 100 рублей; за пять месяцев получу 500 рублей, сто проживу, а четыреста останутся, и с этими деньгами я ворочусь в Тифлис, чтобы учиться петь. Но он сказал мне:

— Бросьте все это! Ничего вы не скопите! Да еще едва ли и заплатят вам! Знаю я эти дела! Оставайтесь здесь и учитесь у меня. Денег за учение я не возьму у вас.

Я был поражен. Впервые видел я такое отношение к человеку. А Усатов говорил:

— Ваш начальник — знакомый мой. Я напишу ему, чтобы он вновь принял вас на службу.

Окрыленный неизведанной радостью, я бросился с письмом Усатова к моему начальнику, но оказалось, что мое место было уже занято. Убитый этим, я снова возвратился к Усатову.

— Ну, что ж, напишу письмо другому! — сказал он и отправил меня к владельцу какой-то аптеки или аптекарского склада, человеку восточного типа. Этот, прочитав

письмо, спросил меня, знаю ли я какие-нибудь языки?

— Малороссийский, — сказал я.

— Не годится. А латинский?

— Нет!

— Жаль. Ну, вы будете получать от меня 10 рублей в месяц. Вот вам за два вперед! — А что нужно делать?

— Ничего. Нужно учиться петь и получать от меня за это по 10 рублей в месяц.

Все это было совершенно сказочно. Один человек будет бесплатно учить меня, другой мне же станет платить за это деньги!

С авансом из Казани у меня было 45 рублей. Усатов велел мне снять комнату получше и взять пианино напрокат. Если я возвращаю аванс, я буду не в состоянии сделать этого. Тогда я написал в Казань, что внезапно захворал и не могу приехать.

Это, конечно, нехорошо. Но я утешаю себя тем, что многие и часто поступают гораздо хуже ради более низких целей.

На уроках Усатова я познакомился с его учениками. Их было человек пятнадцать. Все — люди разного положения и достатка: офицеры, чиновники, дамы из обще-

ства. Был среди них Иосиф Комаровский, теперь помощник режиссера в Большом театре, бас Стариченко, человек самонадеянный и до смешного самолюбивый, и Павел Агнивцев, который впоследствии сошел с ума. Я очень увлекался его чудесным голосом, и мне нравилась его солидная манера держаться на людях.

В доме Усатова все было чуждо и необычно для меня: и мебель, и картины, и паркетный пол, и чай с бутербродами, которые так великолепно готовила жена моего учителя, Мария Петровна. Очень удивляло меня и то, что ученики, нисколько не стесняясь, хохотали при профессоре и его жене, рассказывали друг другу разные истории и вообще держались совершенно свободно, как равные. Я впервые видел такие отношения, и хотя они мне нравились, но усвоить их я не решился. Был я тогда очень отрепан и грязноват, и хотя в баню ходил часто, но держать себя в чистоте не мог: у меня была одна рубаха, которую я сам стирал в Куре и жарил на лампе, чтоб истребить насекомых, прочно поселившихся в ней.

Однажды на уроке Усатов сказал:

— Послушайте, Шалыпин, от вас очень дурно пахнет. Вы меня извините, но это нужно знать! Жена моя даст вам белья и носков — приведите себя в порядок!

Я был сконфужен до слез. Я тогда еще не понимал, что если мы делаем добро людям, так не стесняемся формой. Я взял сверток белья и на следующий урок пришел чисто вымытый, выбритый! Усатов снова обратился ко мне с предложением — обедать у него. Я поблагодарил, но обедать не пошел. Это уж было совсем не по силам для меня! Видел я, как они обедают! За столом прислушивает девушка, подставляя разные тарелки; на столе лежат салфетки, масса ножей, вилок, ложек. А кто знает, какая ложка для чего и что каким ножом нужно резать?

Но все-таки Усатовы заставили меня обедать у них, и я претерпел не мало мучения при этом.

Однажды Усатов велел мне разучить арию из «Фенеллы» и романс Бахметьева «Борода ль, моя бородушка», а когда я разучил эти вещи, он отправил меня знакомиться с кружком любителей музыки, помещавшимся в доме Арцруни, на Грибоедовской улице. В этом кружке устраивались ученические и любительские спектакли, и он существовал независимо от известного «Тифлисского артистического кружка». Я познакомился с любителями и стал аккуратно посещать собрания кружка.

Спустя несколько дней Усатов объявил мне, что я буду выступать на концертах кружка, а кружок даст мне за это стипендию. Он подарил мне фрак. Но Усатов был маленький и толстый, а я — длинный и худой. По счастью, у меня были приятели портные. Они довольно ловко приспособили фрак к размерам моего скелета.

Наступил день первого моего дебюта в кружке. Я вышел на сцену и запел: «Борода ль, моя бородушка». Публика засмеялась, хотя и добродушно. Я был уверен, что смеются над фракком, но оказалось — надо мной; пел я о бороде очень трогательно, но никаких признаков бороды в ту пору на лице моем не было. Со сцены я казался совершенно мальчишкой. Но когда я покончил с бородой, мне охотно аплодировали.

Тут ко мне подошел итальянец Фарина, один из членов кружка, объявил, что я буду получать у них 15 рублей в месяц, и предложил мне помогать им всем, чем я могу помочь. Разумеется, я с радостью согласился и стал принимать деятельное участие во всех затеях кружка: пел в концертах, играл в драме — Разгуляева в «Бедность не порок», Несчастливцева в «Лесе», Петра в «Наталке Полтавке», — ставил декорации, чистил лампы, заведовал бутафорией и вообще работал на совесть.

Занятия у Усатова продолжались своим чередом. Профессор был чрезвычайно строг и мало церемонился с учениками, особенно такими, каков был я. Если у меня что-либо выходило плохо, он выковыривал дирижерской палочкой из банки ню-

хательный табак и громко нюхал, а то закуривал папироску в палец толщиной. Это были явные признаки его недовольства и раздражения.

Слыша, что голос ученика начинает слабеть, Усатов наотмашь бил ученика в грудь и кричал:

— Опирайте, черт вас возьми! Опирайте!

Я долго не мог понять, что это значит — «опирайте». Оказалось, надобно было опирать звук на дыхание, концентрировать его.

Увлеченный работой в кружке и переживая волнения влюбленности, я стал учиться менее усердно и частенько выучивал уроки не очень твердо. В этих случаях я прибегал к такой уловке: ставил на фортепьяно раскрытые ноты, а сам, отойдя в сторону, скашивал глаза и читал с листа. Но Усатов заметил это и однажды ловко встал между нотами и мною, закрыв их. Я перестал петь. Тогда он бесцеремонно начал колотить меня палкой, приговаривая:

— Лодырь, лодырь, ничего не делаешь!

Эти истязания стали повторяться довольно часто и понудили меня принять свои меры защиты. Инструмент стоял четверти на полторы от стены. Я отодвинул его еще на вершок, и когда Усатов замалывался на меня палкой, я убежал за фортепьяно. Он был толст и не мог достать меня, только кричал и топал ногами. Но однажды я так рассердил его, что он швырнул в меня нотами и закричал неистово:

— Вылезай, черт проклятый! Вылезай, я тебя понял!

Я вышел. Он с наслаждением отколотил меня палкой, и мы снова начали урок.

Впоследствии, встречаясь с ним, мы вспоминали эти уроки палкой и оба хохотали. Хороший человек был мой учитель!

Усатов приготовил со мной третий акт «Русалки» для спектакля в музыкальном кружке, а кроме того, серенаду Мефистофеля и трио. Худой и длинный, я был очень смешон в костюме Мефистофеля, но пение публике понравилось. Особенно же велико было ее впечатление, когда я начал петь Мельника:

— «Да, стар и шаловлив я стал».

В конце лета стали говорить, что зимою в казенном театре будет играть опера Любимова и Форкатти. Я еще не знал ни одной оперы, но все-таки спросил Усатова, не попробовывать ли мне поступить на сцену.

— Отчего же нет? Попробуем! Будете и петь и учиться у меня. Надо только выучить несколько опер. «Русалка» и «Фауст» — это ваши кормильцы, так и знайте! Надо еще выучить «Жизнь за царя».

Я выучил эти три оперы. В один прекрасный день к Усатову явился Любимов слушать Агнивцева и меня. Агнивцев понравился ему, и он заключил с ним контракт по 250 руб. в месяц. А я не понравился, хотя пел третий акт «Русалки» — то, за что меня хвалили более всего.

«Далек еще я от того, чтобы играть на сцене», — с грустью подумалось мне. Но кто-то посоветовал Любимову послушать

ЯБЛОКО РАЗДОРА

19 ноября произошло событие, которое сыграло решающую роль в присоединении Грузии к Российской империи. Речь пойдёт о битве на реке Иори — ярком эпизоде феодальной усобицы, после которого картлийский царь Георгий XII, находясь на смертном одре, «изъявил волю вступить в российское подданство».

Ситуация в Картли и Кахети в конце XVIII века была близка к гражданской войне — царь Георгий был ещё жив, когда часть его высокородных подданных объявила о том, что не признают царевича Давида (сына Георгия XII) наследником и считают, что царствовать должен царевич Александр — один из младших братьев Георгия. Александр был известен тем, что держался политики союза с Персией — новый шах Фетх-Али обещал ему всяческую поддержку и покровительство. Георгий XII, продвигая на Картлийский трон сына Давида, надеялся на помощь России, протектором которой Картли-Кахетинское царство стало ещё в 1783 году, после подписания Георгиевского трактата.

В 1795 году император Павел I, помедлив, признал законным наследником Давида. Царевич Александр выступил против этого. Его сторону заняла значительная часть грузинской аристократии и родственники по материнской линии — мать царевича Дареджан Дадияни была третьей женой царя Ираклия II и происходила из древнего рода владетелей Западной Грузии. Александру удалось собрать многочисленное войско, основу которого составляла феодальная грузинская конница и всадники аварского владельца Умма-хана, который систематически совершал набеги на Восточную Грузию и присоединился к царевичу, надеясь совершить ещё один грабительский рейд.

Георгий XII, будучи тяжело больным, отправил в Санкт-Петербург письмо, в котором, упоминая недавний договор, просил императора Павла прислать 3 тысячи русских солдат «с оружием и со всею воинскою принадлежностью».

Войска были посланы, но их было немного. Осенью 1799 года

ВОЙНЫ ЦАРЕВИЧЕЙ,

ТАК И НЕ СТАВШИХ ЦАРЯМИ

в Тифлис вошел батальон егерей генерала Лазарева с казаками и при четырёх пушках. Ещё две пушки русские прикатили в помощь грузинскому ополчению. Вскоре к егерям Лазарева присоединился батальон мушкетерского полка Гулякова. Численность русских войск составила около 1,5 тысячи солдат, грузинское ополчение, по разным данным, насчитывало от 3 до 4 тысяч всадников и пеших, а также несколько тысяч крестьян, вооруженных вилами и самодельными пиками.

7 (19 ноября) русско-грузинское войско встретилось с горцами Умма-хана и ополчением феодалов на Ниахурском поле на берегу реки Иори. Всего под предводительством аварского хана и царевича Александра собралось до 20 тысяч воинов, но исход битвы решила тактика, картечь и штыки русских батальонов. Русские батальоны, выстроенные в каре, отбили отчаянную атаку всадников Умма-хана с большими для них потерями, после чего ударили в штыки и обратили горцев, в основном лезгин и аварцев, в беспорядочное бегство. Разгром войска Умма-хана и царевича Александра завершила грузинская конница царевичей Иоанна и Баграта.

В этой битве русско-грузинские потери не превышали 20 человек, тогда как Умма-хан и сторонники Александра потеряли около 2 тысяч воинов, треть которых была изрублена в ходе преследования.

В битве у реки Иори ранения получили оба предводителя — и Александр, и Умма-хан.

Мушкетёрам генерал-майора Гулякова за выдержку и находчивость в ходе битвы императором Павлом I были пожалованы Мальтийские знамёна с надписью: «За взятие у Аварских войск знамени. 7-го Ноября 1800 года».

Разгром Умма-хана и царевича Александра на Иори произвел сильное впечатление на персидское войско, которое уже перешло границу и двигалось в Грузию. Узнав о разгроме, который постиг аварского хана и непокорного царевича, персы ушли восвояси, ограничившись разорением Эчмиадзинского монастыря.

Победа у Иори ускорила процесс включения Грузии в состав России, которая выступала в роли покровителей христиан в этом регионе и гарантом их безопасности.

Умма-хан уже собирал новое войско, на этот раз для набега на Гянджу, но умер (был отравлен?) в самый разгар приготовлений.

Что до царевича Александра,

то он, со свойственной ему энергией, продолжал бороться за грузинский престол и против России. После поражения на Иори он бежал в Персию. В 1810 году, уже в составе персидской армии, царевич вторгся в Грузию, но персы были разбиты русскими при Ахалкалаки, и царевич вновь бежал. Он ещё долго подстрекал горцев Дагестана и своих подданных к восстанию против русских, но всякий раз его планы рушились. Умер царевич Александр в Тебризе, в полной нищете в 1844 году.

Но и царевич Давид царём не стал. Под титулом «правителя Грузии» он управлял страной с января 1800 по июнь 1801 года.

После кончины Георгия XII царевич Давид объявил себя правителем Картли-Кахетинского царства. Однако Российское правительство уже дало инструкции своим представителям в Картли-Кахети не допустить воцарения Давида. С декабря 1800 года царевич Давид стал руководителем царского Дома Багратиони, но ему так и не было позволено занять трон Картли-Кахети. С момента смерти отца (28 декабря 1800) и ко времени прибытия генерала Карла Кнорринга (24 мая 1801) он фактически выполнял функции регента.

Давид XII был очень удивлён указом Павла I (18 января 1801 года) об упразднении Картли-Кахетинской монархии и ее присоединении к Российской империи. Он пытался остаться у власти де-факто главой государства. Но в мае 1801 года российский генерал Кнорринг отстранил его от власти и создал временное правительство во главе с генералом И. П. Лазаревым.

После упразднения Картли-Кахетинского царства (12 сентября 1801 года) Давид XII вместе с семьёй был арестован князем Цициановым (подробности в текущем номере газеты) и выслан в Россию.

Как вспоминают современники, генерал Лазарев в ночное время окружил войском дом царевича Давида, арестовал его и с сильным прикрытием вывез в пределы России. Причем, исполнено это было без больших трудностей.

Давид XII под военным сопровождением был доставлен в Санкт-Петербург 18 февраля 1803 года.

С 1812 по 1819 годы царевич (князь) Давид Батонишвили (Багратиони) занимал почётное место в сенате Российской империи. Кроме того, являлся председателем комитета, в задачи которого входил перевод «Свода законов Вахтанга VI» и его редакция.

Давид умер в Санкт-Петербурге в 1819 году в чине генерал-лейтенанта и в звании сенатора. Давид много занимался литературой и науками — составил грузинскую грамматику, написал историю Грузии на русском и грузинском языках, его перу принадлежат историческое повествование на грузинском языке «Летопись о царе Ираклии II». Похоронен Давид в Александро-Невской лавре.

С обнародованием манифеста о присоединении к Российской империи Грузии, сохранив население, теряла автономию. Её территория отныне делилась на губернии и входила в состав Кавказского наместничества.

Игорь БАРАМИЯ.

"РОЖДЕН Я БЫЛ ДВАЖДЫ: ДЛЯ ЖИЗНИ — В КАЗАНИ, ДЛЯ МУЗЫКИ — В ТИФЛИСЕ"

меня еще раз в любительском кружке. Он послушал, и на этот раз я понравился ему.

— Я могу заплатить вам полтора рубля в месяц, — предложил он.

Вскоре вышло как-то так, что весь басовый репертуар лег на мои плечи, и я, неожиданно для себя, занял в опере первенствующее положение. Этому особенно помогли «Паяцы» Леонкавалло, впервые поставленные в Тифлисе. Роль Тонио легко укладывалась в диапазоне моего голоса, и я довольно удачно играл ее. Опера ставилась часто и шла с неизменным успехом. Я был вынослив, как верблюд, и мог петь круглые сутки.

Сезон кончился. Что делать дальше? Естественно, что мне захотелось ехать в Москву, центр артистической жизни. Усатов одобрил мое намерение и дал мне

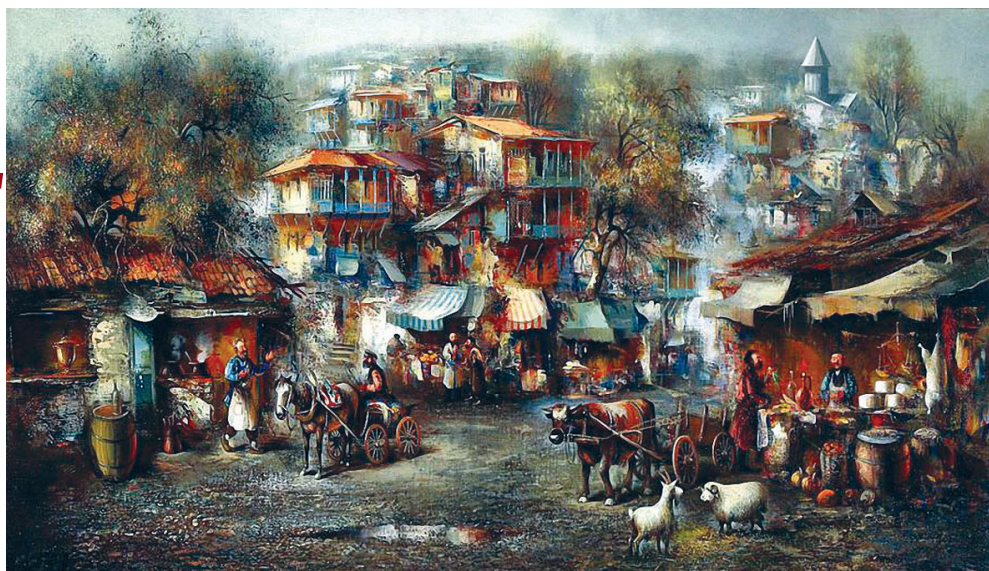
письма к управляющему конторой императорских театров Пчельникову, к дирижеру Альтани, Барцалу, режиссеру и еще кому-то.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДОЧЕРИ-ИРИНЫ ШАЛЯПИНОЙ

Всегда, когда отец вспоминал о Тифлисе, глаза его загорались, весь он воодушевлялся.

— Чудодейственным оказался для меня этот город, — вспоминал он. Именно здесь выступил он впервые на подмостках оперного театра в ответственных партиях. Именно здесь встретил он людей, которые сердечно и тепло отнеслись к никому тогда не известному двадцатилетнему юноше... ..голодному, оборванному, доведенному до отчаяния.

...С сентября 1893 г. по февраль 1894

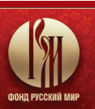

г. Шаляпин был занят в 60-и спектаклях, исполняя в них ответственные партии. В 1894 г. Шаляпин покидает Тбилиси. Отсюда начинается его триумфальный путь по театрам Москвы, Петербурга и других городов России и всего мира.

В 1910 году отец вновь посетил Тбилиси. Он до последних лет жизни сохранил

любь к чудному солнечному Тбилиси, в котором он начал свою артистическую карьеру, и часто с увлечением рассказывал о нем своим близким.

На снимке: в такой Тифлис приехал В.Шаляпин в 1892 году. Репродукция с картины худ. В.Месхи.

ПРИМЕЧАНИЕ: В логотипе приложения (стр.1) - изображения равноапостольных святых: царя Мириана и царицы Наны, а также великого князя Владимира и великой княгини Ольги, при которых в Грузии (IV в.) и на Руси (X в.) приняли христианство.